

УДК 331.556.4(470+575.2)

ВОПРОСЫ ДВУСТОРОННИХ ОТНОШЕНИЙ КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ МИГРАЦИИ

А.А. Ткаченко

Рассмотрены основные тенденции и проблемы трудовой миграции стран ЕАЭС в РФ, показана её зависимость от экономического цикла в России и изменения регуляторных норм. Проанализировано влияние денежных переводов мигрантов из стран Центральной Азии на уровень жизни домохозяйств. Сделан вывод, что в этих странах с очень молодым и растущим населением необходимо усиление государственной политики в области профессионального образования и заинтересованности российской экономики и бизнеса в профессиональном образовании кыргызстанской молодёжи.

Ключевые слова: трудовые мигранты; ремиттансы; денежные переводы; благосостояние населения; профессиональное образование; домохозяйства; уровень рождаемости.

МИГРАЦИЯ ПРИЗМАСЫ АРКЫЛУУ КЫРГЫЗ РЕСПУБЛИКАСЫ МЕНЕН РОССИЯ ФЕДЕРАЦИЯСЫНЫН ЭКИ ТАРАПТУУ МАМИЛЕЛЕРИНИН МАСЕЛЕЛЕРИ

А.А. Ткаченко

Бул макалада Россия Федерациясындагы ЕАЭБ өлкөлөрүнүн эмгек миграциясынын негизги тенденциялары жана көйгөйлөрү каралган, анын Россиядагы экономикалык циклден жана жөнгө салуучу ченемдердин өзгөрүшүнөн көз карандылыгы көрсөтүлгөн. Борбордук Азия өлкөлөрүнөн келген мигранттардын акча которууларынын үй-чарбаларынын турмушуна тийгизген таасири талдоого алынган. Өтө жаш жана өсүп жаткан калкы бар бул өлкөлөрдө кесиптик билим берүү жаатында мамлекеттик саясатты күчөтүү жана россиялык экономика жана бизнестин кыргыз жаштарына кесиптик билим берүүгө кызыкдар болушу керек деген жыйынтык чыгарылды.

Түйүндүү сөздөр: эмгек мигранттары; ремиттанстар; акча которуулар; калктын бакубаттыгы; кесиптик билим берүү; үй кожойкеси; төрөлүү деңгээли.

PROBLEMS OF BILATERAL RELATIONS OF THE KYRGYZ REPUBLIC AND RUSSIAN FEDERATION THROUGH THE PERSPECTIVE OF MIGRATION

А.А. Tkachenko

The article discusses the main trends and problems of labour migration of the EAEU countries in the Russian Federation, the dependence of migration of these countries on the cycles of the Russian economy and changes in migration regulations is shown. The effect of remittances from Central Asian migrants on household living standards is analyzed. In these countries with a noticeably young and growing population, it is necessary to strengthen the state policy in the field of occupational education. According to the author, the Russian economy and business are objectively interested in the high level of education of Kyrgyz youth.

Keywords: labour migrants; remittances; personal transfers; welfare; occupational education; households; total birth rate.

В Перекрёстный год Кыргызстана в России
и России в Кыргызстане и пятилетия развития

интеграционных процессов в ЕАЭС определённый
интерес представляют вопросы не только

взаимосвязей между странами ЕАЭС, между Россией и Кыргызстаном, но и видение наших совместных проблем и нерешённых вопросов, которые могут мешать развитию сотрудничества как в рамках двусторонних отношений, так и в интеграционном сообществе в целом. Основными вопросами, вынесенными для обсуждения на совместной научной конференции, прошедшей в марте 2020 г. в Финансовом университете при Правительстве РФ по инициативе Посольства Кыргызской Республики в Российской Федерации, были трудовая миграция и общий рынок труда стран ЕАЭС. Эти вопросы тесно взаимосвязаны, но в их решении роль экономических и институциональных факторов различается значительно. Данная статья подготовлена на основе доклада на указанной выше конференции.

Демографическое развитие и миграционная мобильность. В Кыргызстане в 2010-е гг. наблюдается отрицательное сальдо внешней миграции, но оно составляет всего лишь сотые доли процента от населения страны: в последние три года эта доля была на уровне 0,095–0,111 % [1]. Это очень мало влияет на демографическую ситуацию в стране, а трудовая и учебная миграция в подавляющей своей части носит возвратный характер, поэтому может оцениваться скорее положительно, чем отрицательно, хотя последние оценки тоже существуют и аргументируются в ряде работ. Население страны возрастает, так как Кыргызстан является одной из двух стран Центральной Азии, где суммарный коэффициент рождаемости выше 3 (число рождений на 1 женщину). В XXI в. этот показатель значительно вырос и достиг 3,3 [2], что заметно выше Индии и ЮАР, при этом он увеличился с 2005 (2,5) по 2018 г. на 32,0 %. По доле детского населения в возрасте 0–14 лет Кыргызстан на третьем месте среди стран Содружества Независимых Государств (СНГ) после Туркменистана и Таджикистана, а по суммарному коэффициенту рождаемости – на втором. Молодое население страны, где доля детей 0–14 лет составляет почти треть всего населения, требует высокого уровня профессиональной подготовки новых поколений, которые уже вступили в этот возраст (доля молодёжи 15–24 лет составляет 19,1 %) [3] или которые вступят в ближайшие 10 лет, для

которых уже сегодня необходимы программы по расширению системы профессионального образования среднего и высшего уровня. Анализу этой системы и ряду рекомендаций по её развитию посвящён доклад МОТ, в котором приводятся данные о 15–24-летних, чья доля в среднем по миру составляет 25 % населения трудоспособного возраста, но в ходе мирового экономического кризиса их доля среди безработных достигала 40 % [4, p. 37].

Доля новых поколений в Кыргызстане будет возрастать даже при снижении рождаемости за счёт эффекта демографической структуры, и получение качественного образования, особенно профессионального, остаётся одной из самых важных задач государства. Многочисленные молодые поколения будут и более мобильными, особенно в рамках единого интеграционного пространства, когда движение всех факторов станет абсолютно свободным или в какой-то мере может регулироваться государствами только в интересах населения ЕАЭС.

По переписи населения 2010 г. в РФ проживало 103 тыс. киргизов, что в 2,5–3 раза больше, чем по переписям 1989 и 2002 гг., но заметно меньше других диаспор. Но главные потоки временной трудовой миграции из Кыргызстана в Россию значительно объёмнее и играют заметную роль в кыргызской экономике. Максимальная численность граждан Киргизии¹, осуществлявших трудовую деятельность в России была достигнута в 2008 г. (184,6 тыс. чел.), а затем стала снижаться из-за развёртывания экономического кризиса, включая и 2010 г. (117,7 тыс.) [5, табл. 5.14], когда российская экономика уже стала выходить из кризиса. Это снижение в течение двух лет было свойственно потокам трудовых мигрантов всех стран СНГ без исключения. В 2010-е гг. до образования ЕАЭС число граждан Киргизии, имевших разрешение на работу, колебалось в диапазоне 68–83 тыс. чел., а число граждан с патентами на работу составляло 67,2 тыс. в 2013 г. и 151,9 тыс. в 2014 г. Введение новой системы регистрации иностранной рабочей силы в РФ привело к провалу в статистике

¹ Написание страны зависит от информационного источника, используемого автором.

Таблица 1 – Численность граждан государств-членов ЕАЭС, въехавших в РФ для осуществления трудовой деятельности, тыс. чел.

	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Армения	123,2	194,7	264,1	209,9	232,2	207,9	210,5
Беларусь	75,6	86,2	86,5	97,7	124,6	134,7	163,4
Казахстан	53,4	58,7	70,1	71,6	88,2	111,5	136,2
Кыргызстан	288,6	371,7	512,4	361,9	376,9	352,0	453,7

Источник: ЕЭК (http://www.eurasiancommission.org/ru/act/finpol/migration/Pages/statistical_data.aspx)

в 2011 и 2012 гг., а затем к разрыву динамических рядов из-за новой системы учёта.

После образования ЕАЭС граждане стран-членов не учитываются Росстатом как иностранная рабочая сила, но с 2017 г. данные стали размещаться на сайте Евразийской экономической комиссии (ЕЭК), но не совсем в сопоставимом виде с данными Росстата до 2015 г., так как учитывают численность въехавших в РФ для осуществления трудовой деятельности (таблица 1).

Трудовые мигранты из Кыргызстана доминируют на российском рынке труда среди стран ЕАЭС (43,7 % в 2018 г. и 47,1 % в 2019 г.), но трудовые мигранты этих стран в совокупности составляют лишь 1,1 % по отношению к занятым экономической деятельностью в российской экономике, поэтому ставить вопрос о конкуренции мигрантов и местной рабочей силы не имеет экономического смысла, а говорить об обострении этой проблемы в период кризиса преждевременно¹.

Хотя по абсолютному объёму трудовых мигрантов, въехавших в Россию, Кыргызстан занимает первое место среди стран ЕАЭС, темп прироста за шесть лет (22 %) у него был самый низкий (от 68,8 % из Армении и 108,8 % из Казахстана), что свидетельствует скорее о реакции кыргызских трудовых мигрантов на экономические трудности, связанные с циклическим ростом российской экономики, а также с изменениями регламентов в стране входа, например ограничения суммы перевода ремиттансов по объёму и времени, введённые в 2019 г.² В 2020 г.

произошли изменения, и максимальная сумма денежного перевода в Кыргызстан из России, которую может переводить один человек один раз в течение 30 календарных дней, была увеличена до 150 тыс. руб. Как сообщалось [6], для принятия подобного решения в конце 2019 г. эту проблему обсуждали премьер-министры стран ЕАЭС на Евразийском межправительственном совете. С нашей точки зрения, все процедуры подобного рода должны иметь обратный характер: Центральный банк России (далее – ЦБ) должен был вынести подобное предложение о введении ограничений на переводы физических лиц (в отношении Казахстана и Кыргызстана) на Совет, а лишь после обсуждения и согласия всех сторон вводить подобные меры. Иначе создаётся впечатление, что пять стран не подписывали Договор о Евразийском экономическом союзе, в котором ст. 3 говорит о соблюдении принципов рыночной экономики и добросовестной конкуренции, а также об обеспечении взаимовыгодного сотрудничества. Одностороннее решение ЦБ не соответствует этим и ряду других основных принципов функционирования ЕАЭС.

В год начала экономической рецессии, как видно из таблицы 1, поток мигрантов достиг максимума и превышал поток 2013 г. почти в 1,8 раза, но затем резко уменьшился в 2016 г. и остаётся неустойчивым, хотя в 2019 г., скорее всего, произошло небольшое увеличение потока, которое прервётся экономическими трудностями 2020 г., связанными с неминуемым спадом в глобальной экономике, включая Россию. Хотя

¹ В данном случае вызванного в мировой экономике пандемией.

² Сам список стран: Киргизия, Казахстан, Вьетнам, Китай, для которых введены ЦБ лимиты на

суммы переводов из России в апреле 2019 г., свидетельствует о недопустимом игнорировании общепринятых правил «поведения» национальных государственных органов в интеграционных сообществах.

сальдо внешней миграции остаётся в Кыргызстане отрицательным, поток выбывших из страны в 2010-е гг. значительно сократился и тренд снижения был устойчивым. При этом происходила некоторая переориентация потоков: если в 2011 г. из числа выбывших 91,3 % составляли переезжающие в Россию, то затем эта доля стала снижаться и в 2017 г. составила 75,5 %, а в 2018 г. – 70,2 % [1]. Национальный статистический комитет Кыргызской Республики даёт ценные сведения по национальности мигрантов. Среди выбывших с 2012 г. преобладают русские – 37,1 % в 2018 г., хотя численность выбывших с 2011 по 2018 г. упала более чем в пять раз [1]. По нашему мнению, это может свидетельствовать, что российская программа переселения соотечественников [7], где надежды на страны СНГ были главными, не может быть достаточно эффективной исходя из подобной реальности. Росстат данные о национальности мигрантов не даёт – только о стране гражданства, при этом его данные расходятся с данными национальных статистических служб стран СНГ и ЕАЭС. На эту острую проблему расхождения сведений в статических базах обращал внимание в 2016 г. председатель Статкомитета СНГ В.Л. Соколин [8, с. 60–68]. По данным Росстата, в 2018 г. в Россию прибыло из Киргизии 34,2 тыс. граждан этого государства, или 9,4 % от всех иностранных прибывших (Росстат фиксирует среди прибывших и выбывших из других стран мигрантов граждан РФ, в том числе с двойным гражданством) [9], а всего из Киргизии прибыло в 2018 г. 44,4 тыс. чел., из них 87,6 % в трудоспособном возрасте. По данным Нацстаткома КР, в РФ вышло в 2018 г. около 5 тыс. чел. – расхождение значительное. По данным кыргызского правительства, которые привёл в своём выступлении Президент Кыргызской Республики Сооронбай Жээнбеков, в трудовой миграции в России (накопленной) находится около 728 тыс. кыргызстанцев [10]. Нормальное формирование общего рынка труда стран ЕАЭС невозможно без статистической базы по рабочей силе и занятым, построенной на единой методологической базе и гармонизированных методах учёта. Ставятся и проблемы разработки информационной базы для прямого доступа зарубежных работодателей

на кыргызстанские государственные медиа-ресурсы [11, с. 10]. При движении национальных статистических служб к гармонизации необходим учёт международных норм, включая конвенции и рекомендации Международной организации труда (прежде всего, Рекомендацию № 170 о статистике труда), а также рекомендации Международной конференции статистиков труда [12, с. 75–76]. Некоторый опыт в этой области уже имеется, например программа «Партнёрство МОТ и Российской Федерации» (2-я фаза) помогла киргизским партнёрам провести анализ спроса и предложения квалифицированной рабочей силы в Чуйской области Кыргызстана [13]. Это позволяет партнёрам МОТ принимать обоснованные решения при реформировании системы профессиональной подготовки для её соответствия потребностям рынка труда. В этой связи также необходимо обратить внимание на желательность соблюдать терминологию названных международных организаций и придерживаться рекомендованных национальным статистическим службам понятий и терминов, в том числе основному – рабочей силы как суммы занятых и безработных, а не употреблять дорыночный термин «трудовые ресурсы», как это сделано в интересной по содержанию работе [14].

Миграционная политика России и адаптация мигрантов. В России действует новая Концепция миграционной политики на 2019–2025 гг. [15], одной из задач которой является создание условий для адаптации к правовым, социально-экономическим, культурным и другим нормам жизни в России иностранных граждан. Это связывается почему-то только с теми, кто испытывает сложности в адаптации, обусловленные особенностями их культуры и привычного жизненного уклада, хотя на самом деле адаптируются все – просто с различающимися сроками и проблемами. Адаптация в той или иной мере нужна всем прибывающим мигрантам, особенно если они остаются в России на длительное время или выбрали её местом постоянного жительства. Эти сложности разные люди испытывают в разной степени, но меняя свой устоявшийся образ жизни, их испытывают все – даже внутренние мигранты, например из села в город.

В декабре 2016 г. Правительство РФ утвердило программу «Реализация государственной национальной политики», в рамках которой имеется подпрограмма «Социокультурная адаптация и интеграция мигрантов». Среди проблем этой адаптации можно выделить наиболее сложную и чувствительную – ментальную адаптацию, так как любой человек не может быстро менять свою ментальность, особенно на это влияет возраст мигранта. В проведённых в России опросах мигрантов отмечается негативное отношение к собственному социальному статусу в России, называя отношения и миграционных служб, и местного населения, что во многом снижает позитивность социального самочувствия мигрантов. А от него зависит очень многое. Необходимо стремиться к тому, чтобы адаптация мигрантов снимала объективно существующие противоречия мировоззренческого, ценностного и историко-ментального характера. Изучение социально-культурной адаптации мигрантов, прежде всего из стран Центральной Азии как основных каналов заполнения вакансий на российском рынке труда, пока ведётся на небольших группах [16], но есть и работы, где проводится сравнительный анализ такой адаптации между гражданами Кыргызстана, Таджикистана, Узбекистана и Южной Кореи [17]. Расширение массивов подобных исследований и включение в них академической науки всех стран ЕАЭС представляется актуальным.

Трудовая миграция и денежные переводы. Статистику всех денежных переводов и других финансовых поступлений от мигрантов на родину (страну выезда) предоставляет Всемирный банк (ВБ) на основе Руководства по платёжному балансу [18] и национальные статистические службы, которые не всегда пересчитывают эти поступления в сопоставимую валюту или не указывают, какие доллары США имеются в виду (current, constant, international), например ЦБ России. Методология ВБ различает денежные переводы мигрантов и ремиттансы мигрантов [19, с. 97], что не всегда учитывается в публикациях. Представленные в таблице 2 данные ЦБ дополнены данными таблицы 3.

Если в 2015 г. численность въехавших из Кыргызстана в Россию для осуществления

трудовой деятельности продолжала увеличиваться (на 38 % по сравнению с предыдущим годом), то объём трансграничных переводов из России уменьшился почти в два раза (на 46 %), а объём всех входящих ремиттансов, по данным ВБ, – на 25 %. Таким образом, рецессия российской экономики и ужесточение правил привели к более значительному сокращению переводов из России по сравнению с другими странами. Если же судить по доле российских переводов в общем объёме ремиттансов (64,2 % в 2015 г.), то можно заключить, что переводы кыргызстанских трудовых мигрантов из других стран в 2015 г., по крайней мере, не уменьшились. Более наглядно сравнение динамики показателей таблицы 2 видно на рисунке 1.

На рисунке 1 заметно, что, во-первых, кривые денежных потоков и ремиттансов не следуют непосредственно за динамикой численности мигрантов, во-вторых, кривые потока из России и потока из всех стран после рецессии российской экономики всё больше расходятся.

В первый квартал 2019 г. Кыргызстан получил 453,344 млн долл., или 18,27 % от всех переводов из России в страны СНГ и 4,81 % всех переводов из России за рубеж, в 2017 г. эти доли соответственно составляли 17,13 и 5,04 %. Объём квартальных поступлений при близко сохранившихся соотношениях позволяет предположить, что по итогам 2019 г. объём денежных потоков из России в Кыргызстан восстановится до предрецессионного уровня, а может даже превысит его исходя из роста числа мигрантов. Более того, в 2016 г., когда рецессия в России продолжалась и переводы из России продолжали сокращаться (за год на 10 %), переводы (ремиттансы) в Кыргызстан из всех стран (суммарно с Россией)¹ выросли на 18,2 %. Несмотря на столь существенное сокращение переводов из России, их объём продолжал оставаться значительно выше такого вида иностранных финансовых потоков, как помощь в целях развития (official development assistance): в 2017 г. из всех источников (страны и международные организации) она составляла

¹ Мы не можем корректно выделить остальные страны из общей суммы ремиттансов, так как методологии расчёта ВБ и ЦБ России различаются, поэтому возможно только суммарное сравнение.

Таблица 2 – Основные характеристики трудовой миграции в Кыргызстане

Показатель	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Переводы из России, по данным ЦБ, млн долл.*	2 080,0	2 026,0	1 083,0	976,0	1 202,7	434,1**
Входящие ремиттансы в КР, по данным ВБ, млн долл.	2 278,0	2 242,8	1 687,7	1 994,6	2 485,8	2 688,6
Объём трудовой миграции в РФ, по данным ЕЭК, тыс. чел.	288,6	371,7	512,4	361,9	376,9	352,0

* Через все системы денежных переводов; ** 1-й квартал

Источники: https://cbr.ru/statistics/macro_itm/tg/; http://www.eurasiancommission.org/ru/act/finpol/migration/Pages/statistical_data.aspx; <https://data.worldbank.org/indicator/BX.TRF.PWKR.CD.DT?locations=KG>.

Таблица 3 – Денежные переводы из России в Кыргызстан, млн долл.

Показатель	2013	2014	2015	2016	2017
Через системы денежных переводов	2 080,0	2 026,0	1 083,0	976,03	1 202,65
Трансграничные операции физических лиц нерезидентов	1 129,0	1 195,0	838,0	1 170,7	1 469,3
Трансграничные операции всех физических лиц	2 106,0	2 062,0	1 383,0	1 742,6	2 210,6

Источник: https://cbr.ru/statistics/macro_itm/tg/

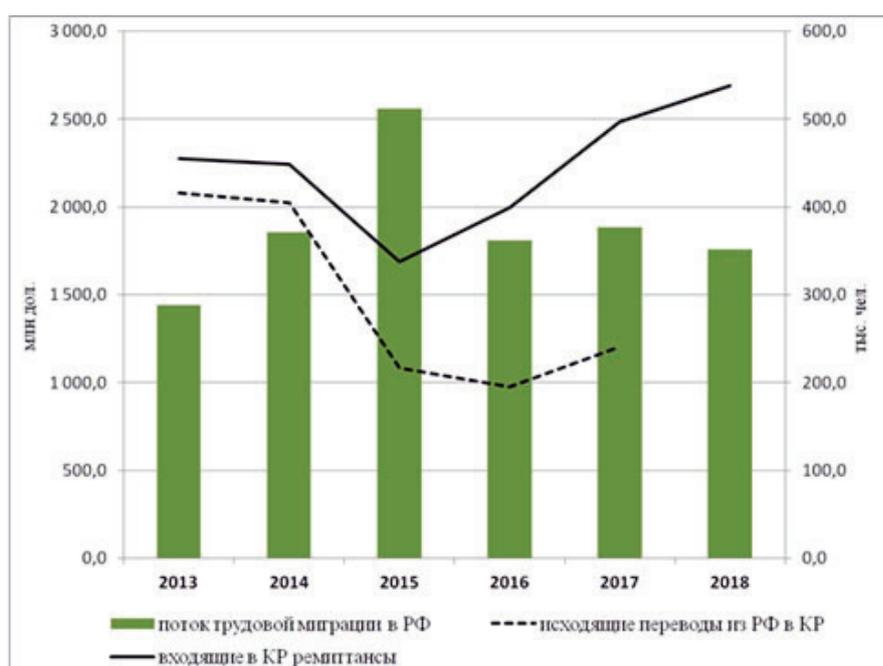

Рисунок 1 – Динамика денежных потоков в Кыргызстан и мигрантов из Кыргызстана в РФ

38,2 % от объёма переводов из России, в 2016 г. – 46,1 % [20, р. 118]. В 2017 г. прирост объёма денежных переводов составил 23,2 % из России и 24,6 % из всех стран. При этом общий объём ремиттансов в Кыргызстан стал в 2,1 раза превышать поток российских переводов, что сделало российскую экономику не доминирующей для Кыргызстана в области финансовых потоков из-за рубежа в виде ремиттансов. Конечно, это связано не только с экономической динамикой, но и с ограничениями, о которых уже упоминалось. В таблице 3 приводятся для сравнения данные ЦБ России по трём видам переводов, один из которых более близок к ремиттансам.

Денежные переводы и благосостояние населения. Важность денежных переводов для уровня благосостояния домохозяйств в Кыргызстане, как и во всех странах, относимых ВБ к уровню развития ниже среднего, подчёркивается в работе [21, р. 822]. Отмеченные (см. рисунок 1) резкие колебания потока поступлений денежных переводов в страны с низким уровнем ВНД на душу населения и с большой долей домашних хозяйств с числом членов пять и более человек может привести к падению доходов домохозяйств и попаданию части из них в число бедных. Этот вопрос достаточно подробно проанализирован в названной работе на примере стран Центральной Азии [21]. Доля таких больших домохозяйств, по переписи населения 2010 г., составляла в Кыргызстане 49,5 %, но новая перепись населения в связи с ростом рождаемости отразит, скорее всего, рост этой доли.

В то же время работы, основанные на многофакторном анализе, показывают, что, кроме размера домохозяйств, коэффициента иждивенческой нагрузки и т. п., большое значение имеет наличие высшего образования у главы домохозяйства или другого занятого взрослого, которое снижает вероятность бедности [22].

Обследование мексиканских домохозяйств [23], получающих ремиттансы, показало, что мужчины из этих домохозяйств работают меньше (в месяц на 10 ч в городе и на 8 ч в сельской местности), чем в не получающих переводы. Особенно это различие присуще занятым в формальном секторе экономики (formal sector work) и самозанятым; женщины, напротив, работают

в формальном секторе экономики больше в домохозяйствах, получающих ремиттансы. Самые большие различия видны при неоплачиваемой работе (Nonpaid work): и мужчины, и женщины в домохозяйствах с ремиттансами работают заметно больше, чем в не получающих ремиттансы домохозяйствах. Исключение составляют только сельские женщины, где, напротив, заметно больше (на 18 ч в месяц) работают без оплаты в домохозяйствах, не имеющих такого дохода, как ремиттансы. На неоплачиваемой работе в городе женщины в обоих видах домохозяйств заняты практически одинаково [23, р. 224]. Подобные исследования трудоёмки, дорогостоящи, но уникальны по возможным последствиям: помогают более точно формулировать политику занятости, политику перехода от неформальной занятости к формальной в соответствии с рекомендацией МОТ, политику привлечения части потоков ремиттансов в инвестиционные вложения, а не только в потребление. Особенно это важно для стран, имеющих высокую долю ремиттансов по отношению к ВВП (Кыргызстан – 33,2 %, Таджикистан – 29,0 %, Молдова – 16,1 %, Узбекистан – 15,1 %) [24] и значительный сектор неформальной экономики, сложность уменьшения которого в пользу формальной занятости и возможные последствия для уровня доходов населения обоснованы в [25, с. 40–42].

Молодёжь и образование. Профессиональное образование молодёжи мы отнесли к важнейшей задаче государственной политики. Вместе с тем и в Кыргызстане, и в России доля платных мест в вузах в 2001–2019 гг. возрастала: до 85 и более 50 % соответственно, что может привести к замедлению роста человеческого капитала новых поколений. Из стран ЕАЭС только Казахстан, где доля платных мест в вузах снижалась, как представляется, понимает всю важность бесплатного обучения своей и привлечения зарубежной молодёжи для прохождения профессионального образования в этой стране. России с учётом динамики демографических процессов в странах ЕАЭС и нарастания в ней процесса старения населения и нехватки рабочей силы в определённых видах экономической деятельности требуется изменить политику «мягкой силы» по отношению к студентам стран

СНГ и ЕАЭС – увеличивать их численность. Кроме того, необходима кооперация и координация таких действий в рамках ЕАЭС, так как именно это покажет, насколько эффективна интеграция стран ЕАЭС и каковы у неё перспективы, поскольку будущий человеческий капитал и постоянный рост его качества способны обеспечить достойное место каждой страны и интеграционного сообщества в целом в глобальной экономике. В противном случае интеграционные процессы ещё более замедлятся, а конкурентоспособность национальных экономик, определяемая в первую очередь продуктивной рабочей силой с высоким уровнем образования, не будет соответствовать решению задачи её повышения. На конференции, названной в начале статьи, кыргызскими докладчиками подчёркивалось важное преимущество мигрантов из Кыргызстана – хорошее владение русским языком. Но этот уровень всё равно требуется поддерживать в процессе учёбы новых поколений, на что должно обращать самое пристальное внимание Россотрудничество в своих программах поддержки.

Можно надеяться, что Перекрёстный год станет годом не только совместных конференций, исследований и публикаций, но и дальнейшего развития интеграционных процессов в ЕАЭС на благо населения каждой из пяти стран.

Литература

- Динамические таблицы. Население / Нацстатком КР. URL: <http://www.stat.kg/ru/statistics/naselenie/> (дата обращения: 30.04.2020).
- Мониторинг показателей качества жизни населения в странах Содружества Независимых Государств 2015–2018. / Межгосударственный статистический комитет СНГ. М., 2019. 69 с.
- Демографический ежегодник Кыргызской Республики: 2014–2018 / Нацстатком КР. Бишкек, 2019, 322 с.
- A Skilled Workforce for Strong, Sustainable and Balanced Growth: A G20 Training Strategy. International Labour Office. Geneva, 2010. 48 p.
- Российский статистический ежегодник 2016 / Росстат. М., 2017. 686 с.
- Российская газета. 2020. 15 января. № 8059.
- Государственная программа по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом (указ Президента РФ 22 июня 2006 г.).
- Влияние глобализации и членства в ВТО на качество жизни населения стран группы БРИКС: сб. ст. по материалам Междунар. науч. конф. М.: Финансовый ун-т, 2016. 188 с.
- Численность и миграция населения Российской Федерации. URL: <https://gks.ru/folder/11110/document/13283?print=1> (дата обращения: 20.04.2020).
- Перекрёстный год Кыргызстана и России: укрепление сотрудничества или испытание для независимости? // Лазат Жаныбек кызы. 2020. 2 февр. URL: https://rus.azattyk.org/a/kyrgyzstan_perekrestnyi_god_soyuz_s_rossiyey_2020/30460087.html (дата обращения: 30.04.2020).
- Крамаренко А.И. К вопросу совершенствования управления внешней трудовой миграцией в Кыргызской Республике // Вестн. КРСУ. 2019. Т. 19. № 11. С. 7–10.
- Ткаченко А.А. Столетний юбилей Международной организации труда и развитие статистики в области занятости // Вопр. статистики. 2019. Т. 26. № 12. С. 73–82. DOI: <https://doi.org/10.34023/2313-6383-2019-26-12-73-82>.
- Анализ спроса и предложения квалифицированной рабочей силы в Кыргызской Республике. URL: https://www.ilo.org/moscow/projects/g20ts/kyrgyzstan/WCMS_735861/lang--ru/index.htm (дата обращения: 22.04.2020).
- Рязанцев С. Экспорт трудовых ресурсов из Кыргызстана: тенденции и последствия / С. Рязанцев, Е. Письменная, Т. Мирязов, О. Дудина // Центральная Азия и Кавказ. 2019. Т. 22, № 1. С. 109–124.
- Указ Президента РФ «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы» от 1.10.2018. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/58986> (дата обращения: 20.04.2020).
- Gurieva S. Migration and adaptation as indicators of social mobility migrants. S. Gurieva, K. Kõiv, O. Tararukhina. Behavioral Sciences. 2020. Vol. 10. Iss. 1 (30). URL: <https://doi.org/10.3390/bs10010030>.
- Tatarko A. Social capital, acculturation attitudes, and sociocultural adaptation of migrants from central Asian republics and South Korea in Russia / A. Tatarko, J.W. Berry, K. Choi // Asian Journal of Social Psychology. 2020. URL: <https://doi.org/10.1111/ajsp.12401>.
- Balance of payments and international investment position manual. Sixth Edition (BPM6).

- Washington, D.C.: International Monetary Fund, 2009. 371 p.
19. Ткаченко А.А. Место ремиттансов в финансовых потоках в развивающиеся экономики / А.А. Ткаченко, А.Б. Гинойн // Финансы: теория и практика. 2017. Т. 21. № 6.
 20. OECD (2019), Geographical Distribution of Financial Flows to Developing Countries 2019: Disbursements, Commitments, Country Indicators. Paris: OECD Publishing, 2019. 308 p. URL: http://dx.doi.org/10.1787/fin_flows_dev-2019-en-fr
 21. Brück T. Household survey data for research on well-being and behavior in Central Asia / T. Brück, D. Esenaliev, A. Kroeger, A. Kudabayeva, B. Mirkasimov, S. Steiner // Journal of Comparative Economics. 2014. Vol. 42. Iss. 3. P. 819–835. DOI: 10.1016/j.jce.2013.02.003.
 22. Shaukat B., Javed S.A., Imran Waqas. Wealth Index as Substitute to Income and Consumption: Assessment of Household Poverty Determinants Using Demographic and Health Survey Data // Journal of Poverty. 2020. Vol. 24. Iss. 1. P. 24-44. DOI: 10.1080/10875549.2019.1678550.
 23. Amuedo-Dorantes C., Pozo S. Migration, Remittances, and Male and Female Employment Patterns // American Economic Review. 2006. Vol. 96, №. 2. DOI:10.1257/000282806777211946.
 24. World Development Indicators. URL: <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators>. Last Updated: 04/09/2020. (дата обращения: 30.04.2020).
 25. Ткаченко А.А. Роль МОТ в международных процессах / А.А. Ткаченко // Международные процессы. 2019. Т. 17, № 3 (58). DOI 10.17994/IT.2019.17.3.58.3.